СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXVIII, № 3.

ПЕРВОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПРЕМІЙ М. И. МИХЕЛЬСОНА въ 1903 году.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
1904.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1904 года.
За Непремѣннаго Секретаря, Академикъ *А. Карпинскій*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПЕРВОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПРЕМІЙ
имени М. И. Михельсона.

Отчетъ о I-мъ присужденіи *) премій, читанный въ публичномъ засѣданіи 16-го декабря 1903 года Предсѣдательствующимъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Ординарнымъ Академикомъ А. Н. Веселовскимъ.

Въ настоящемъ году послѣдовало первое присужденіе премій имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника М. И. Михельсона за труды въ области науки о русскомъ языкѣ.

Для сего особо образованными согласно §§ 7 и 8 Правилъ о преміяхъ Комиссіями дважды въ 1898 и 1900 гг. были предлагаемы особыя задачи по разработкѣ лексическаго состава древняго и современнаго русскаго языка и по опредѣленію заимствованныхъ въ русскомъ языкѣ элементовъ (церковно-славянскихъ, греческихъ, тюркскихъ, финскихъ, западно-европейскихъ и другихъ).

Такимъ образомъ Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности, на основаніи § 9 Правилъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона, на настоящее конкурсное трехлѣтіе 1900—1903 гг. были назначены нижеслѣдующія четыре темы, о чемъ и было сообщено

---

*) На первый конкурсъ 1898—1900 гг. поступило всего одно сочиненіе, которое не было удостоено преміи и было возвращено автору для переработки.

въ свое время для общаго свѣдѣнія черезъ припечатаніе ихъ въ нѣсколькихъ ученыхъ періодическихъ изданіяхъ и разсылку списка этихъ задачъ въ разныя учрежденія и т. под.

1. Тюркскіе элементы въ русскомъ языкѣ до татарскаго нашествія.

Выясненіе, какія слова тюркскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ.— Опредѣленіе словъ, заимствованныхъ русскимъ языкомъ изъ тюркскихъ нарѣчій до татарскаго нашествія, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ тюркскихъ словъ можно относить ко времени, предшествующему образованію этихъ вѣтвей русскаго языка; 2) систематическаго изслѣдованія русскихъ памятниковъ, отъ начала письменности до средины XIII в., со стороны встрѣчающихся въ нихъ заимствованій изъ тюркскихъ нарѣчій. Кромѣ словъ тюркскаго происхожденія, изслѣдованію подлежатъ и тѣ иноземныя слова, которыя вошли въ русскій языкъ черезъ посредство тюркскихъ нарѣчій. При опредѣленіи тѣхъ или другихъ заимствованій, должно имѣть въ виду точное, по возможности, пріуроченіе ихъ къ тѣмъ діалектическимъ разновидностямъ, которыя представляли тюркскіе говоры *). Впрочемъ, въ виду сравнительной скудости матеріала для древнѣйшихъ временъ русской письменности, а также трудности хронологическаго пріуроченія нѣкоторыхъ словъ, изслѣдователю разрѣшается переступить за предѣлъ эпохи татарскаго нашествія, ограничиваясь однако тѣмъ условіемъ, чтобы разбираемое слово представляло собою достояніе всего русскаго языка, а не одного или немногихъ говоровъ, въ которые оно могло войти впослѣдствіи, и чтобы оно вообще

---

*) Результаты изслѣдованія (слова иноземнаго происхожденія, заимствованныя въ русскій языкъ) должны быть расположены въ словарномъ порядкѣ.

имѣло признаки, позволяющіе допустить возможность его принадлежности къ порѣ до-татарскаго періода.

2. Германскіе, латинскіе и романскіе элементы, вошедшіе въ русскій языкъ до XV вѣка.

Опредѣленіе различныхъ эпохъ, къ которымъ можетъ быть пріурочено заимствованіе этихъ элементовъ. Выясненіе, какія слова германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ. Какими путями шли заимствованія изъ этихъ языковъ въ русскій (Варяги, Рига, Польша и т. д.)? Опредѣленіе словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, вошедшихъ въ русскій языкъ до XV вѣка, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ германскихъ, латинскихъ и романскихъ словъ могутъ восходить къ эпохѣ до XV вѣка; 2) систематической выборки изъ русскихъ памятниковъ до XIV вѣка включительно словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія.

Примѣчаніе. Ученая работа, посвященная изслѣдованію однихъ только германскихъ заимствованій, можетъ быть также удостоена преміи.

3. Западное вліяніе на русскій языкъ въ Петровскую эпоху.

Опредѣленіе путей, которыми въ Петровскую эпоху шли заимствованія изъ западноевропейскихъ языковъ. — Систематическая выборка заимствованныхъ словъ изъ какого-нибудь, опредѣленнаго самимъ изслѣдователемъ, круга произведеній письменности Петровской эпохи (актовъ, узаконеній, учебниковъ, писемъ и литературныхъ произведеній), съ указаніемъ происхожденія этихъ словъ (слова нѣмецкія, шведскія, голландскія, польскія и т. д.).

4. Уменьшительныя, увеличительныя и т. п. имена въ русскомъ языкѣ.

Списокъ суффиксовъ, посредствомъ которыхъ образуются уменьшительныя, увеличительныя, ласкательныя, презрительныя и т. п. имена существительныя (нарицательныя и собственныя) и прилагательныя въ литературномъ русскомъ языкѣ и въ говорахъ великорусскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ. Возстановленіе древнѣйшихъ (обще-славянскихъ) звуковыхъ формъ этихъ суффиксовъ. Родственные суффиксы однородныхъ именъ въ другихъ славянскихъ языкахъ и въ главныхъ изъ индо-европейскихъ языковъ.

На настоящій второй конкурсъ по соисканію премій Михельсона къ назначенному Правилами о присужденіи этихъ премій сроку (1-му марта 1903 г.) было представлено всего *два* сочиненія, изъ коихъ одно написано на тему, предложенную подъ № 2 п. 2, другое же являлось отвѣтомъ на тему, указанную подъ № 3.

Разсмотрѣніе представленныхъ сочиненій было поручено Ординарнымъ Академикамъ Ѳ. Е. Коршу и А. И. Соболевскому.

По полученіи отъ упомянутыхъ гг. рецензентовъ критическихъ отзывовъ, были разсмотрѣны оба представленныя сочиненія и рецензіи на нихъ Академиковъ Корша и Соболевскаго и закрытою баллотировкою были присуждены двѣ половинныя преміи, по пятисотъ рублей каждая: I) магистранту Н. А. Смирнову за его рукописный трудъ подъ заглавіемъ: 1) «*Западное вліяніе на русскій языкъ въ Петровскую эпоху.* Опредѣленіе путей, которыми въ Петровскую эпоху шли заимствованія изъ западно-европейскихъ языковъ» (на 22 лл.) и 2) «Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ въ эпоху Петра Великаго» (на 449 лл.)—на основаніи рецензіи Академика А. И. Со-

болевскаго — и II) студенту Имп. Юрьевскаго Университета Д. К. Зеленину за сочиненіе подъ заглавіемъ: «Германскіе, романскіе и латинскіе элементы, вошедшіе въ русскій языкъ до XV в.» (въ рукописной тетради на 356 страницахъ) — на основаніи рецензіи Академика Ѳ. Е. Корша.

Приводимъ въ извлеченіяхъ нѣкоторыя мѣста изъ упомянутыхъ рецензій, послужившихъ основаніемъ для присужденія премій Михельсона.

I.

Отзывъ Ординарнаго Академика **А. И. Соболевскаго** о трудѣ Н. А. Смирнова.

Важнѣйшая часть *рукописнаго* труда г. Смирнова — словарь. Онъ представляетъ собою списокъ словъ западно-европейскаго происхожденія, извлеченный изъ документовъ, сочиненій и переводовъ Петровскаго времени и снабженный указаніями на значеніе этихъ словъ и на ихъ западно-европейскіе оригиналы. Хотя о полнотѣ его не можетъ быть рѣчи, тѣмъ не менѣе онъ въ себѣ заключаетъ такое количество матеріала, что достаточно освѣщаетъ вопросъ о западномъ вліяніи на языкъ русскаго образованнаго общества въ самомъ концѣ XVII и въ первой четверти XVIII вѣка. Сверхъ того, онъ является полезнымъ пособіемъ при чтеніи текстовъ Петровскаго времени, не всегда достаточно понятныхъ для современнаго читателя.

Словарь составленъ съ большимъ стараніемъ и тщательностію и стоилъ автору большого труда, правда, нѣсколько механическаго. Недостатки, о которыхъ ниже, не лишаютъ его значенія, но только заставляютъ относиться съ нѣкоторою осторожностью къ утвержденію автора о заимствованіи того или другого

слова *именно* въ Петровскую эпоху. Они легко объясняются и въ значительной степени извиняются отсутствіемъ какихъ бы то ни было изслѣдованій по исторіи словарнаго матеріала въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

Главный недостатокъ словаря состоитъ въ томъ, что въ немъ, въ числѣ заимствованныхъ словъ Петровской эпохи, находится рядъ словъ заимствованныхъ до Петра въ XVII или даже въ XVI вѣкѣ. Правда, г. Смирновъ воспользовался Книгою ратнаго строенія («Ученіе и хитрость ратнаго строенія»), изданною въ Москвѣ въ 1647 году, и не разъ, приводя какое-нибудь слово, отмѣтилъ, что оно было извѣстно еще въ XVII столѣтіи; но эта книга, какъ она ни важна, не заключаетъ въ себѣ всѣхъ заимствованныхъ въ XVII вѣкѣ западно-европейскихъ словъ; сверхъ того, авторъ просмотрѣлъ ее далеко не внимательно.

Другой недостатокъ словаря г. Смирнова — неточность или невѣрность указаній на языкъ-источникъ заимствованныхъ словъ. Конечно, въ цѣломъ рядѣ случаевъ нѣтъ основанія говорить объ какомъ-нибудь одномъ языкѣ. Такъ, слово *пароль* могло попасть къ намъ и прямо изъ французскаго языка, и чрезъ посредство нѣмецкаго или польскаго; слово *профессоръ* — и прямо изъ латинскаго, и чрезъ посредство тѣхъ же нѣмецкаго или польскаго; слово *свита* — и прямо изъ французскаго, и чрезъ посредство тѣхъ же нѣмецкаго или польскаго. Но иногда звуковыя особенности слова таковы, что объ его ближайшемъ источникѣ-языкѣ можно говорить съ увѣренностью.

Вообще многія изъ приведенныхъ г. Смирновымъ западно-европейскихъ словъ встрѣчаются въ переводныхъ сочиненіяхъ Московской Руси XVII вѣка по военному дѣлу, медицинѣ, астрономіи и астрологіи, космографіи и географіи, музыкѣ, а нѣкоторое число — также въ документахъ, особенно въ описяхъ царскаго, патріаршаго и монастырскаго имущества.

Авторъ помѣстилъ при словарѣ 1) списокъ словъ Петровской эпохи, происхожденія которыхъ онъ не могъ опредѣлить, и 2) копію съ небольшого «Лексикона» заимствованныхъ словъ,

исправленнаго рукою Петра Великаго, по рукописи Академіи Наукъ.

Объ изслѣдованіи г. Смирнова, точнѣе — о предисловіи къ словарю, нѣтъ надобности распространяться. Это — очень скромная попытка сдѣлать выводъ изъ данныхъ словаря о путяхъ, которыми въ Петровскую эпоху шли въ русскій языкъ изъ западно-европейскихъ языковъ разныя слова. Мы должны указать лишь на одинъ путь, очень важный, упущенный почти совсѣмъ изъ виду авторомъ. Это — путь черезъ юго-западную Русь, черезъ Малоруссію и Бѣлоруссію, по которому въ Москву перешло, повидимому, огромное большинство польскихъ словъ. Стоитъ просмотрѣть Литовскій Статутъ въ изданіи 1588 года, и сочиненія Іоанникія Галятовскаго, чтобы увидѣть тѣснѣйшую связь между юго-западно-русскимъ словарнымъ матеріаломъ XVI — XVII вѣковъ и русскимъ Петровской эпохи. Судебно-административная терминологія особенно настойчиво обращаетъ на себя вниманіе и напрашивается на сближеніе языка юго-западно-русскихъ дѣльцовъ съ терминологіей Петровскихъ дѣятелей. Что понятно: дѣятельнѣйшіе сотрудники Петра изъ русскихъ, какъ П. Шафировъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ, Ѳеодосій Яновскій, — были выходцы изъ южной или западной Россіи.

II.

Отзывъ Ординарнаго Академика **Ѳ. Е. Корша** о сочиненіи Д. К. Зеленина

Трудъ г. Зеленина «*Германскіе, романскіе и латинскіе элементы, вошедшіе въ русскій языкъ до XV в.*» представляетъ собою рукопись въ 356 стран. in 8^0, не считая довольно обширнаго «Введенія» (стр. I — XXX), посвященнаго объясненію методовъ, которымъ авторъ слѣдовалъ при своей работѣ, и сокращеній, въ числѣ которыхъ значатся заглавія его источниковъ и пособій

(всего 28). Доказательствами иноязычнаго происхожденія разбираемыхъ имъ словъ онъ считаетъ 1) звуковыя неправильности въ отношеніи между даннымъ словомъ и его предполагаемымъ чужимъ подлинникомъ, 2) отсутствіе родичей въ русскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ. Принадлежность слова древне-русскому языку, т. е., выражаясь хронологически, русскому языку до XV в., онъ опредѣляетъ какъ по времени, когда составленъ содержащій въ себѣ это слово памятникъ, такъ и по степени распространенности слова въ нарѣчіяхъ русскаго языка — великорусскомъ, малорусскомъ и бѣлорусскомъ. О послѣднемъ критеріи автору пришлось говорить гораздо подробнѣе, чѣмъ о первомъ, потому что наличность слова во всѣхъ трехъ нарѣчіяхъ русскаго языка объясняется иногда не унаслѣдованіемъ отъ эпохи единства русскаго языка, а заимствованіемъ изъ одного нарѣчія въ другое, и весьма вѣроятно, что при дальнѣйшей разработкѣ вопроса о заимствованныхъ словахъ въ русскомъ языкѣ, систематически поставленнаго, можно сказать, только теперь, благодаря почину М. И. Михельсона, нѣкоторыя изъ этихъ словъ, принятыхъ авторомъ въ словарь, должны будутъ перейти въ «Дополненія», гдѣ кромѣ словъ, по его мнѣнію, спорнаго происхожденія, онъ помѣстилъ и кое-какія позднѣйшія заимствованія. Чужія слова вошли въ русскій языкъ отчасти среди наслѣдія изъ общеславянской эпохи, отчасти усвоены имъ самостоятельно, по его обособленіи. Всѣ они распадаются на извѣстныя категоріи по означаемымъ ими предметамъ и по народамъ, имѣвшимъ то или иное культурное вліяніе на славянъ вообще или на русскихъ въ частности. Заимствованія бываютъ книжныя и обиходныя. Первыя вошли въ древне-русскій языкъ по большей части черезъ церковную письменность, почему г. Зеленинъ включилъ въ свой словарь много церковно-славянскихъ словъ, не привившихся на русской почвѣ даже въ искусственной рѣчи. Заимствовались между прочимъ собственныя имена, не только греческія, но и латинскія (въ число которыхъ на стр. XXIII зачѣмъ-то попало греческое *Спиридонъ*). Есть заимствованія лишь

по смыслу, иначе говоря — переводы, какъ *мученикъ* не прямо съ греч. μάρτυς = «свидѣтель», а съ германскаго отраженія этого слова, проникшаго въ германскіе языки изъ христіанской латыни, гдѣ martyr получило исключительно религіозное значеніе.

Въ словарѣ г. Зеленина читатель найдетъ приблизительно всѣ тѣ слова, возвести которыя къ ихъ германскимъ, романскимъ или латинскимъ первообразамъ пытались предшественники автора. Отыскивать заимствованія, не отмѣченныя прежде, онъ, повидимому, не старался, — можетъ быть, кромѣ нѣсколькихъ примѣровъ въ «Дополненіяхъ». Какъ противъ распредѣленія матеріала по этимъ двумъ отдѣламъ, такъ и противъ принятія такихъ словъ, какъ *Акура́тъ*, *Винтъ*, *Гля́нецъ*, хотя-бы только въ «Дополненія», — можно спорить. Самостоятельность автора выразилась преимущественно въ критикѣ чужихъ мнѣній, часто не ограничивающейся доводами отрицательнаго свойства; но нельзя сказать, чтобы всѣ его собственныя соображенія были удачны. Такъ напр. подъ словомъ *Бармы*, затрудняясь вопросомъ, какъ средне-нижне-нѣм. barm «плечо» могло проникнуть къ намъ, онъ считаетъ возможнымъ выводить русское слово изъ польскаго brama или bram «койма, оторочка», черезъ посредство * *барама*, немыслимаго, да и ненужнаго при существованіи др.-сканд. barm, значащаго то же, что́ польское bram.

Число такихъ примѣровъ нетрудно было бы увеличить, но можно ограничиться приведенными, достаточными для характеристики личныхъ предположеній автора, и упомянуть еще только о необыкновенной его склонности къ объясненію словъ не изъ западныхъ языковъ, откуда ихъ объясняютъ другіе, а изъ восточныхъ, которые чужды ему въ такой мѣрѣ, что онъ сплошь да рядомъ просто говоритъ: «восточное слово», или выражаетъ подозрѣніе, не съ Востока ли оно; см. напр. не только *Скарлатъ*, которое выводили оттуда и другіе (изъ тур. iskerlet, передѣланнаго изъ ит. scarlatto или изъ н.-греч. σκαρλάτον), но и *Корзно*, *Котъ*, *Мытъ* (сущ.), *Опица*, *Перецъ* (отъ *персъ!*), *Соро́чка* (отъ «сара-

цинъ»!), изъ которыхъ *Котъ* и *Перецъ* въ самомъ дѣлѣ пришли въ Европу съ Востока, только не къ намъ, — по крайней мѣрѣ, не первое. Причина этого своеобразнаго Drang nach Osten со стороны автора заключается, можетъ быть, отчасти въ нѣкоторомъ славянофильствѣ, предпочитающемъ теперь невинный передъ славянами и — главное — невѣданный Востокъ тѣснящему ихъ Западу, отчасти въ недоразумѣніи относительно истиннаго смысла сравненій славянскихъ словъ съ западными: вѣрно, что извѣстныя намъ старыя германскія или романскія формы не всегда вполнѣ соотвѣтствуютъ своимъ славянскимъ отраженіямъ, но вѣдь наше знаніе западныхъ языковъ ранняго средневѣковья болѣе или менѣе случайно и отрывочно, вслѣдствіе чего мы не всегда можемъ отыскать въ памятникахъ какъ разъ тѣ формы, которыя были усвоены древними славянами. Такой случай представляется намъ при словѣ *Спудъ*, сравненіе котораго съ дат. spand и нижне-нѣм. span г. Зеленинъ отвергаетъ, не находя вѣроятнымъ сравнительно широкое распространеніе его между славянами изъ такого источника. Но если др.-норв. spann ср. р. «мѣра и вѣсъ масла и сыпучихъ тѣлъ» произошло изъ * spand (датское *nd* есть лишь орѳографическое выраженіе двойного *n*), а н.-нѣм. span восходитъ къ тому же * spand, — получается чуть ли не общегерманское слово, близкое по звукамъ къ слав. **спѫдъ** и употребительное, можетъ быть, въ краяхъ, граничившихъ со славянскими. Какъ-бы то ни было, самая попытка оцѣнки чужихъ взглядовъ и стремленіе къ самостоятельному изслѣдованію показываетъ, что авторъ имѣлъ въ виду далеко не простой сводъ уже сдѣланнаго другими. Вообще къ своей задачѣ онъ отнесся очень серьёзно и добросовѣстно, и, вѣроятно, только недостатокъ времени виноватъ въ нѣкоторыхъ недосмотрахъ, какіе попадаются тамъ и сямъ въ его трудѣ. Подозрѣніе, что авторъ торопился, подтверждается довольно значительнымъ количествомъ неточныхъ или неясныхъ выраженій и мелкихъ ошибокъ или описокъ, особенно въ иноязычныхъ словахъ. Впрочемъ нельзя не признать, что иногда

бываетъ трудно рѣшить, чѣмъ объясняется та или другая изъ такихъ погрѣшностей—поспѣшностью или иною причиной, менѣе извинительной. Дѣло въ томъ, что автора никакъ нельзя назвать языковѣдомъ. Такъ *Вáга* онъ переводитъ по-латыни «pondo» вм. pondus, лат. galea подъ *Галея*—«щитъ» вм. шлемъ (если это не описка: «собственно: щитъ, въ какомъ значеніи родственно съ нѣм. Helm, а черезъ него и съ слав. *шлемъ*», чтó трудно уразумѣть).

Можетъ быть, въ связи съ нетвердостью въ иностранныхъ языкахъ состоитъ и двоякое написаніе сербскихъ и малорусскихъ словъ, то кириллицей, то латинкой, иногда по фонетическому правописанію, иногда по этимологическому, — очевидно, въ зависимости отъ источниковъ. Такой пріемъ дѣлаетъ честь осторожности автора, но едва ли можетъ быть признанъ научнымъ помимо выписокъ изъ памятниковъ; но именно въ послѣднемъ случаѣ г. Зеленинъ и не сообразуется съ преданіемъ, о чемъ заявляетъ самъ на стр. XXX: «орѳографія древне-русскихъ словъ принята ближайшая къ современной».

Говорить ли послѣ всѣхъ этихъ данныхъ о томъ, что г. Зеленинъ едва ли прошелъ строгую лингвистическую школу? Вотъ нѣсколько примѣровъ его научнаго языка и мышленія. Подъ *Букъ* греч. φᾱγός, φηγός — произведено прямо отъ φαγεῖν, не смотря на «праиндоевроп. *bhâgos».

И такъ, — заключаетъ г. рецензентъ — г. Зеленину далеко еще до уровня самостоятельнаго изслѣдователя, чтò впрочемъ и совершенно естественно при его молодости; но и этотъ трудъ, не смотря на всѣ его недостатки, обнаруживаетъ въ его авторѣ какъ недюжинныя знанія и способности, такъ и умѣнье работать. Главное достоинство его словаря состоитъ *въ полнотѣ матеріала:* не только собраны чуть ли не всѣ старыя слова, объясняемыя изъ западныхъ языковъ, но и разысканы въ памятникахъ и толково сопоставлены мѣста, въ которыхъ они встрѣчаются, почему нѣкоторыя статьи представляютъ собою цѣлыя изслѣдованія (напр. *Русь* на 4 страницахъ). По устраненіи указанныхъ

выше и нѣкоторыхъ другихъ погрѣшностей (для чего вся лингвистическая часть должна быть провѣрена до мелочей — до знаковъ долготы и удареній включительно) сочиненіе *г. Зеленина* получитъ значеніе полезной справочной книги и надежной канвы для будущихъ изслѣдователей. Потому я полагалъ бы справедливымъ, подъ условіемъ надлежащаго исправленія разобраннаго здѣсь труда, — присудить автору *премію имени Михельсона.*

I.

Западное вліяніе на русскій языкъ въ Петровскую эпоху. Опредѣленіе путей, которыми въ Петровскую эпоху шли заимствованія изъ западно-европейскихъ языковъ.

Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ въ эпоху Петра Великаго. Н. А. Смирнова. 1903 г.

Рецензія Академика **А. И. Соболевскаго.**

Важнѣйшая часть рукописнаго труда г. Смирнова — словарь. Онъ представляетъ собою списокъ словъ западно-европейскаго происхожденія, извлеченный изъ документовъ, сочиненій и переводовъ Петровскаго времени и снабженный указаніями на значеніе этихъ словъ и на ихъ западно-европейскіе оригиналы. Хотя о полнотѣ его не можетъ быть рѣчи, тѣмъ не менѣе въ себѣ онъ заключаетъ такое количество матеріала, что достаточно освѣщаетъ вопросъ о западномъ вліяніи на языкъ русскаго образованнаго общества въ самомъ концѣ XVII и въ первой четверти XVIII вѣка. Сверхъ того, онъ является полезнымъ пособіемъ при чтеніи текстовъ Петровскаго времени, не всегда достаточно понятныхъ для современнаго читателя.

Словарь составленъ съ большимъ стараніемъ и тщательностію и стоилъ автору большого труда, правда, нѣсколько механи-

ческаго. Недостатки, о которыхъ ниже, не лишаютъ его значенія, но только заставляютъ относиться съ нѣкоторою осторожностью къ утвержденію автора о заимствованіи того или другого слова именно въ Петровскую эпоху. Они легко объясняются и въ значительной степени извиняются отсутствіемъ какихъ бы то ни было изслѣдованій по исторіи словарнаго матеріала въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

Главный недостатокъ словаря состоитъ въ томъ, что въ немъ, въ числѣ заимствованныхъ словъ Петровской эпохи, находится рядъ словъ заимствованныхъ до Петра въ XVII или даже въ XVI вѣкѣ. Правда, г. Смирновъ воспользовался Книгою ратнаго строенія («Ученіе и хитрость ратнаго строенія»), изданною въ Москвѣ въ 1647 году, и не разъ, приводя какое-нибудь слово, отмѣтилъ, что оно было извѣстно еще въ XVII столѣтіи, но эта книга, какъ она ни важна, не заключаетъ въ себѣ всѣхъ заимствованныхъ въ XVII вѣкѣ западно-европейскихъ словъ; сверхъ того, авторъ (какъ будетъ видно ниже) просмотрѣлъ ее далеко не внимательно. Вотъ небольшое число примѣровъ.

Аптека. Это слово и его производныя такъ обычны въ московскихъ книгахъ и документахъ XVII вѣка, что мы ограничимся выпискою изъ жалованнаго слова Бориса Годунова 1604 года: да государь тебя жалуетъ — прислалъ со мною дохтура Егана да *оптекаревъ* Петра... *(Ак. Арх. Эксп. II*, *77)*.

Библія. Стоитъ въ заглавіи сборника библейскихъ книгъ новгородскаго архіепископа Геннадія по списку 1499 года.

Библіотека. Находится въ текстѣ книгъ Маккавейскихъ въ томъ же сборникѣ по тому же списку.

Бомба. Обычно въ московскихъ книгахъ и документахъ XVII вѣка.

Вахта. Находится, между прочимъ, у Котошихина.

Венецейскій. Обычно въ текстахъ не только XVII, но и XVI вѣка.

Гарусъ. Находится въ описи Никольскаго Коряжемскаго монастыря половины XVI вѣка: патрахиль..., *гарусъ* черьвчятъ (*Ак. Кал.* II, 638).

Географія. Это слово и производныя нерѣдки въ переводныхъ книгахъ XVII вѣка.

Гусаръ. Въ грамотѣ 1660 года: (москвичи) польскихъ и литовскихъ людей и *гусаръ* побили (*Ак. Арх. Эксп.* IV, 165).

Карла. Позволительно думать, что имя-прозвище писца московской купчей 1453 года и московской мѣновной 1456 года: *Карло* Малой, митрополичь діакъ *Карло* (*Ак. Кал.* II, 337, 475), —происходитъ отъ нарицательнаго. Во всякомъ случаѣ казацкіе атаманы, бывшіе въ 1667 году въ Китаѣ, пользуются этимъ словомъ, какъ общеизвѣстнымъ: видѣли... попугаевъ и павъ и *карлъ* (Поповъ, Изборникъ славянскихъ и русскихъ статей, 435).

Комиссаръ. Въ грамотѣ 1685 года: посланы мы... на службу съ межевыми судьями и *комисары* (*Ак. Кал.* III, 484). Книга ратнаго строенія 1647 года: *кумисаръ*.

Коруна (у г. Смирнова: каруна). Находится (въ значеніи корона) въ Ипатскомъ спискѣ лѣтописи подъ 1255 годомъ: присла папа послы честны носяще вѣнѣць, и скыпетрь, и *коруну*; оно же—въ галицкой грамотѣ 1389 года (въ сборникѣ Головацкаго). Въ московскихъ описяхъ и документахъ XVII вѣка оно обычно (рядомъ: корона, коронка; опись патріаршей ризницы 1686 года).

Куранты (газеты). Нерѣдко въ московскихъ документахъ второй половины XVII вѣка.

Ластъ. Находится въ «Статьѣ о вѣсахъ и мѣрахъ Московскаго государства Рускіе земли» (по списку Ундольскаго N 681, XVII вѣка): «*ластъ* — 12 бочекъ».

Лотъ (мѣра вѣса). Находится въ переводѣ отрывка изъ 1-й книги Царствъ, между сочиненіями Максима Грека (Горскій и Невоструевъ, Описаніе, II, 2,574).

Малмазея (вино). Находится, между прочимъ, въ лѣчебникѣ «Прохладный Вертоградъ», переведенномъ въ Москвѣ въ 1672 году (Флоринскій, Русскіе простонародные травники и лѣчебники, Каз. 1880, стр. 149; здѣсь же: романея).

Меланхолія. Находится, между прочимъ, въ томъ же

лѣчебникѣ (стр. 147; меланколіева болѣзнь, стр. 34, 48 и др.).

Мундштукъ. Находится, между прочимъ (въ видѣ *муштукъ*), въ текстѣ Псалтыри Фирсова 1683 года (Горскій и Невоструевъ, I, 195).

Оказія. Находится въ переводѣ отрывка изъ Космографіи Ботера, князя Кропоткина, 1691 года, какъ обычное слово Румянц. Муз. № 608, л. 13).

Райна, рея. Въ 1-й Новгородской лѣтописи (въ повѣсти о взятіи Царьграда латинами) по Синодальному списку: *рая*, по другимъ спискамъ: *райна* (по печатному изданію стр. 184). Въ верхотурской грамотѣ 1677 года слово райна употреблено какъ обычный терминъ (*Ак. Кал.* II, 798).

Ракета. Обычно въ московскихъ книгахъ и документахъ второй половины XVII вѣка (между прочимъ, въ документѣ 1683 года; *Ак. Юр.* 375).

Ренское (вино). Обычно въ московскихъ документахъ XVII вѣка.

Розмаринъ. Находится, между прочимъ, въ «Прохладномъ Вертоградѣ» (стр. 132).

Титла. Нерѣдко въ московскихъ документахъ XVII вѣка; восходитъ къ церковно-славянскому титло, титла, находящемуся въ евангельскомъ текстѣ (начиная съ Остромирова Евангелія) и другихъ текстахъ.

Умбра (краска). Находится, между прочимъ въ документѣ 1672 года (*Доп. къ Ак. Ист.* VI, 195).

Урина. Находится, между прочимъ, въ «Прохладномъ Вертоградѣ» (не разъ).

Фигура. Находится, между прочимъ, въ Книгѣ ратнаго строенія («*фигуры* или чертежи»); московскій документъ 1676 года: безъ *фигуры* (*Ак. Кал.* III, 90).

Фіялка. О фіялкѣ, ея цвѣтѣ, корнѣ говоритъ только что упомянутый лѣчебникъ (стр. 96). Документъ 1633 года называетъ сиропъ *фіялковъ* (*Ак. Ист.* III, 474).

Форма. Находится, между прочимъ, въ «Воинской книгѣ» въ переводѣ Онисима Михайлова 1607—1620 г. (Публ. Библ. F. IX, 3): имати *формы* льяницы, олово и свинецъ.

Шкатула. Обычно въ описяхъ и другихъ документахъ XVII вѣка.

Вообще многія изъ приведенныхъ г. Смирновымъ западноевропейскихъ словъ встрѣчаются въ переводныхъ сочиненіяхъ Московской Руси XVII вѣка по военному дѣлу, медицинѣ, астрономіи и астрологіи, космографіи и географіи, музыкѣ[1]), а нѣкоторое число — также въ документахъ, особенно въ описяхъ царскаго, патріаршаго и монастырскаго имуществъ.

Другой недостатокъ словаря г. Смирнова — неточность или невѣрность указаній на языкъ-источникъ заимствованныхъ словъ. Конечно, въ цѣломъ рядѣ случаевъ нѣтъ основаній говорить объ какомъ-нибудь одномъ языкѣ. Такъ, слово пароль могло попасть къ намъ и прямо изъ французскаго языка, и чрезъ посредство нѣмецкаго или польскаго; слово профессоръ — и прямо изъ латинскаго, и чрезъ посредство тѣхъ же нѣмецкаго или польскаго; слово свита — и прямо изъ французскаго, и чрезъ посредство тѣхъ же нѣмецкаго или польскаго. Но иногда звуковыя особенности слова таковы, что объ его ближайшемъ источникѣ-языкѣ можно говорить съ увѣренностью.

Такъ, *з* въ дефензія, диверзія, зала, залфъ, карказъ, контроверзія, конверзація, сервизъ, траверза, универзалъ и друг. говоритъ рѣшительно за заимствованіе этихъ словъ изъ нѣмецкаго языка; *и* въ гренадиръ, дезертиръ, квартира, кирасиръ, трактиръ и т. п. и *ф* въ залфъ и т. п. также указываютъ на нѣмецкій языкъ; это можно сказать и объ ударяемомъ *е* въ батарея, галантерея, галлерея, лотерея и т. п. Сохраненіе конечныхъ согласныхъ въ банкетъ (франц. banquet), кабинетъ, кадетъ, концертъ, пакетъ, пикетъ, курь-

1) Объ нихъ см. въ нашей книгѣ: «Переводная литература Московской Руси XIV — XVII вѣковъ», Спб. 1903, и въ книгѣ д-ра Змѣева, «Русскіе врачебники, Спб. 1895 Памятники Древней Писменности, № CXII).

еръ, дискурсъ и друг. рѣшаетъ вопросъ *не* въ пользу французскаго языка. Само собою разумѣется, звуки въ емвуей (франц. envoyé), регентъ (франц. régent), почтальонъ (франц. postillon), панціонеръ (франц. pensionnaire) и вицерой (vice-roi) говорятъ за заимствованіе *не* изъ французскаго языка, въ крейсеръ, крюйсеръ (нѣм. kreuzer)—за заимствованіе *не* изъ нѣмецкаго, въ капелла — за заимствованіе не изъ польскаго, въ ингенерале—за заимствованіе *не* изъ итальянскаго, въ картузъ — за заимствованіе *не* изъ польскаго и *не* изъ французскаго, какъ думаетъ авторъ. Г. Смирновъ помѣщаетъ подъ одной рубрикой слова съ разными звуками: гренадеръ и гренадиръ, квартера и квартира, суксесъ и сукцесъ, универсалъ и универзалъ, гаубица и гоубица, галздукъ и галстукъ, ундеръ-офицеръ и унтеръ-офицеръ. Иногда, въ словахъ подобныхъ приведеннымъ, двойственность звуковъ происходитъ отъ двойственности звуковъ въ языкѣ-источникѣ, и соединеніе вмѣстѣ различающихся по звукамъ словъ не имѣетъ значенія; но въ другихъ случаяхъ различіе въ звукахъ свидѣтельствуетъ о заимствованіи слова одновременно изъ двухъ или болѣе языковъ. При томъ смѣшеніи вліяній, какое было на Московскую Русь XVII и первой половины XVIII вѣковъ, естественно, что могли оказать дѣйствіе одновременно языки латинскій, польскій, нѣмецкій, голландскій. Таковы слова: гафенъ, матрозъ и гавенъ (откуда гавань), матросъ, два первыя изъ нѣмецкаго языка, два вторыя изъ голландскаго; маистръ, махина и майстеръ, машина, первыя изъ латинскаго, вторыя изъ нѣмецкаго; емблема и емблима, магазинъ и магазейнъ, магацынъ, шиперъ и шкиперъ, шхиперъ.

Необходимо отмѣтить нѣсколько ошибокъ, допущенныхъ г. Смирновымъ.

Ассигнація въ документахъ Петровскаго времени означаетъ не письменный видъ, какъ онъ думаетъ, а ассигновку, приказъ въ кассу объ уплатѣ денегъ.

Сельдерей, по автору, — извѣстное растеніе. Но въ Морскомъ Уставѣ, на который онъ дѣлаетъ ссылку, читается: *серде-*

лѣй болшихъ бочка. Ясно, рѣчь идетъ о рыбѣ *сардель* = нѣм. sardelle.

Цедра, по автору, восходитъ къ лат. cedrus, франц. cèdre кедровое дерево. Но въ документѣ, которымъ онъ пользуется, рѣчь идетъ о *цедрѣ лимонной*!

Вольте не имѣетъ никакого отношенія къ нѣм. wollen. Въ письмѣ князя Куракина, откуда взято это слово, читается: *вольте* приказать, т. е. извольте, повел. накл.

Безлюдный, корка, трупъ не заимствованныя, а исконныя русскія слова.

Тюкъ едва ли есть основаніе производить отъ нѣм. stück, шандалъ, шенданъ (подсвѣчникъ) — отъ франц. chandelle, chandellier. Миклошичъ (Die türkischen Elemente in den südos- und osteuropäischen Sprachen, II, 38) представляетъ данныя въ пользу восточнаго происхожденія послѣдняго слова. Кстати замѣтимъ, что оно (въ видѣ шанданъ), встрѣчается въ московскихъ документахъ въ теченіе всего XVII вѣка.

Шталтъ образецъ — не что иное, какъ польск. kształt.

Мы бы, на мѣстѣ автора, выбросили изъ словаря рядъ словъ разнаго происхожденія (въ родѣ пропре, сепаре, тотешки, трезоръ), извлеченныхъ имъ изъ бумагъ князя Куракина, такъ какъ эти слова — субъективная особенность языка только этого лица; у другихъ дѣятелей Петровской эпохи они не встрѣчаются.

Авторъ помѣстилъ при словарѣ 1) списокъ словъ Петровской эпохи, происхожденія которыхъ онъ не могъ опредѣлить[1]), и 2) копію съ небольшого «Лексикона» заимствованныхъ словъ, исправленнаго рукою Петра Великаго, по рукописи Академіи Наукъ. Мы, конечно, не въ состояніи оказать ему значительную помощь при объясненіи неясныхъ словъ, но закромъ, по нашему мнѣнію, — исконное русское слово, крыхберсень (крыжовникъ) въ сходныхъ по звукамъ формахъ встрѣчается и теперь въ русскихъ центральныхъ губерніяхъ (у *Даля* крыжъ-бер-

---

1) Часть ихъ, кажется, — опечатки.

сень, подъ *крыжъ*), гульфарба восходитъ къ нѣм. goldfarbe, а кенастеръ—не что иное, какъ нѣмецкое или голландское knaster, названіе знаменитаго въ XVIII вѣкѣ сорта табака (объ его происхожденіи см. Kluge, Et. Wörterbuch der deutschen Sprache), проклемовать — не что иное, какъ пол. proklamować, лат. proclamare; что до торель, тарель, то это, конечно,—предокъ современнаго русскаго тарелка, обычное слово для Москвы всего XVII вѣка (имъ пользуется, между прочимъ, царь Алексѣй Михайловичъ; *Ак. Арх. Эксп.* IV, 83); названіе краски шишгиль (откуда, вѣроятно, современное шижголь сволочь, *Даль*) встрѣчается въ документахъ XVII вѣка въ видѣ *шизгель* виницѣйской, *шишьгель* (*Доп. къ Акт. Ист.* VI, 192, 195, 1672 года).

«Лексиконъ» — нѣчто очень цѣнное и любопытное; надо думать, что Петръ имѣлъ въ виду издать его или отдѣльно, или при какой-нибудь книгѣ; сравни «Толкованіе иностранныхъ рѣчей», находящихся въ Генеральномъ Регламентѣ, напечатанное при изданіи этого Регламента 1720 г. и *не* перепечатанное при текстѣ Регламента въ Полномъ Собраніи законовъ[1]). Г. Смирновъ послѣднимъ, къ сожалѣнію, не воспользовался, какъ не воспользовался словарикомъ въ сборникѣ библіотеки графовъ Уваровыхъ № 1931, около 1730 года, съ названіемъ: «Различная реченія иностранная противъ славено-россійскихъ» (около 40 словъ).

Объ изслѣдованіи г. Смирнова, точнѣе — о предисловіи къ словарю, нѣтъ надобности распространяться. Это — очень скромная попытка сдѣлать выводъ изъ данныхъ словаря о путяхъ, которыми въ Петровскую эпоху шли въ русскій языкъ изъ западно-европейскихъ языковъ разныя слова. Мы должны указать лишь на одинъ путь, очень важный, упущенный почти совсѣмъ изъ виду авторомъ. Это — путь черезъ юго-западную Русь, черезъ Малоруссію и Бѣлоруссію, по которому въ Москву перешло, повидимому, огромное большинство польскихъ словъ. Стоитъ бѣгло просмотрѣть Литовскій Статутъ въ изданіи 1588 года и русскія

---

1) Пекарскій, Наука и литература, II, № 435.

сочиненія Іоанникія Галятовскаго, чтобъ увидѣть тѣснѣйшую связь между юго-западно-русскимъ словарнымъ матеріаломъ XVI — XVII вѣковъ и русскимъ Петровской эпохи. Судебно-административная терминологія юго-западно-русскихъ дѣльцовъ особенно настойчиво обращаетъ на себя вниманіе и напрашивается на сближеніе съ терминологіей петровскихъ дѣятелей. Что понятно: дѣятельнѣйшіе сотрудники Петра изъ русскихъ, какъ П. Шафировъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ, Ѳеодосій Яновскій, — были выходцы изъ южной или западной Россіи.

II.

Отчетъ академика **Ѳ. Е. Корша** о сочиненіи Д. К. Зеленина, представленномъ на премію М. И. Михельсона.

Трудъ г. Зеленина «Германскіе, романскіе и латинскіе элементы, вошедшіе въ русскій языкъ до XV в.» представляетъ собою рукопись въ 356 страницъ, не считая довольно обширнаго «Введенія» (стр. I—XXX), посвященнаго объясненію методовъ, которымъ авторъ слѣдовалъ при своей работѣ, и сокращеній, въ числѣ которыхъ значатся заглавія его источниковъ и пособій (всего 28). Доказательствомъ иноязычнаго происхожденія разбираемыхъ имъ словъ онъ считаетъ 1) звуковыя неправильности въ отношеніи между даннымъ словомъ и его предполагаемымъ чужимъ подлинникомъ, 2) отсутствіе родичей въ русскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ. Принадлежность слова древнерусскому языку, т. е., выражаясь хронологически, русскому языку до XV в., онъ опредѣляетъ какъ по времени, когда составленъ содержащій въ себѣ это слово памятникъ, такъ и по степени распространенности слова въ нарѣчіяхъ русскаго языка — великорусскомъ, малорусскомъ и бѣлорусскомъ. О послѣднемъ критеріи автору пришлось говорить гораздо подробнѣе, чѣмъ о первомъ, потому что наличность слова во всѣхъ трехъ нарѣчіяхъ русскаго языка объясняется иногда не унаслѣдованіемъ изъ эпохи

единства русскаго языка, а заимствованіемъ изъ одного нарѣчія въ другое, и весьма вѣроятно, что при дальнѣйшей разработкѣ вопроса о заимствованныхъ словахъ въ русскомъ языкѣ, систематически поставленнаго, можемъ сказать, только теперь, благодаря почину и щедрости М. И. Михельсона, нѣкоторыя изъ словъ, принятыхъ авторомъ въ словарь, должны будутъ перейти въ «Дополненія», гдѣ кромѣ словъ, по его мнѣнію, спорнаго происхожденія онъ помѣстилъ и кое-какія позднѣйшія заимствованія. Чужія слова вошли въ русскій языкъ отчасти среди наслѣдія изъ общеславянской эпохи, отчасти усвоены имъ самостоятельно, по его обособленіи. Всѣ они распадаются на извѣстныя категоріи по означаемымъ ими предметамъ и по народамъ, имѣвшимъ то или иное культурное вліяніе на Славянъ вообще или на Русскихъ въ частности. Заимствованія бываютъ книжныя и обиходныя. Первыя вошли въ древне-русскій языкъ по большей части черезъ церковную письменность, почему г. Зеленинъ включилъ въ свой словарь много церковно-славянскихъ словъ, не привившихся на русской почвѣ даже въ искусственной рѣчи. Заимствовались между прочимъ собственныя имена, не только греческія, но и латинскія (въ число которыхъ на стр. XXIII зачѣмъ-то попало греческое *Спиридонъ* = Σπυρίδων). Есть заимствованія лишь по смыслу, иначе говоря — переводы, какъ *мученикъ* не прямо съ греч. μάρτυς «свидѣтель», а съ германскаго отраженія этого слова, проникшаго въ германскіе языки изъ христіанской латыни, гдѣ martyr получило исключительно религіозное значеніе.

Въ словарѣ г. Зеленина читатель найдетъ приблизительно всѣ тѣ слова, возвести которыя къ ихъ германскимъ, романскимъ или латинскимъ первообразамъ пытались предшественники автора. Отъискивать заимствованія, не отмѣченныя прежде, онъ, по видимому, не старался, — можетъ быть, кромѣ нѣсколькихъ примѣровъ въ «Дополненіяхъ». Какъ противъ распредѣленія матеріала по этимъ двумъ отдѣламъ, такъ и противъ принятія такихъ словъ, какъ *Акура́тъ*, *Винтъ*, *Гля́нецъ* хотя-бы только въ «До-

полненія» можно спорить. Самостоятельность автора выразилась преимущественно въ критикѣ чужихъ мнѣній, часто не ограничивающейся доводами отрицательнаго свойства, но нельзя сказать, чтобы всѣ его собственныя соображенія были удачны.

Такъ напр. подъ словомъ *Бармы*, затрудняясь вопросомъ, какъ средненижне-нѣм. barm «плечо» могло проникнуть къ намъ, онъ считаетъ возможнымъ выводить русское слово изъ польскаго brama или bram «кайма, оторочка» черезъ посредство **барама*, немыслимаго, да и ненужнаго при существованіи др.-сканд. barmr, значащаго то-же, чтò польское bram.

Подъ *Бодня* онъ роднитъ это слово съ *бондарь* путемъ предположенія перестановки вслѣдствіе «примѣненія къ звукоподражательному *бон!*» (не проще-ли контаминація съ Binder?).

Подъ *Бочка* онъ объясняетъ *бочаръ* аналогіей словъ *гвоздáрь, лопáрь*, *пискáрь*, *кобзáрь* и т. п. и далѣе *пéкарь*, *пáхарь*, *сýдарь*, «а потомъ такихъ, какъ гончáръ, овчáръ, Макáръ, комáръ», при чемъ смѣшаны два разныхъ наставки — *-яръ* въ *бочáръ*, *гончáръ* и *овчáръ* (ср. *столяръ* и заимствованное *маляръ* вслѣдствіе мягкости l въ польск. malarz — нѣм. Maler) и *-áрь* въ *гвоздáрь* и пр. (ср. *столáрь* и заимствованное *грабáрь* вслѣдствіе твердости b въ польск. grabarz — нѣм. Gräber), и это смѣшеніе еще осложнена прибавкой *комарá* и *Макáра*, стоящихъ съ предъидущими примѣрами приблизительно въ такой-же связи, какъ *гусáръ*, *омáръ*, *Омáръ*, *кошмáръ*, *фуляръ*, *футляръ*, *амбáръ*, *базáръ*, *бульвáръ* и т. п.

При *Броня* г. Зеленинъ замѣчаетъ: «Русская (неполногласная) форма объясняется изъ древняго гласнаго r», но невидно, откуда-бы такому r было взяться, такъ какъ изъ приведенныхъ тутъ-же гот. brunjō или др.-в.-н. brunja должно было въ праславянскомъ явиться **бръня*, чтò подтверждается и русскимъ *броня*, если она совершенно независимо отъ польскаго broń, преобразованнаго, можетъ быть по bronić.

Подъ *Виноградъ* онъ ставитъ вопросъ: «не явилась ли ц.-слав. форма слова въ русскомъ языкѣ на смѣну иной, соб-

ственно — русской?» — словно винодѣліе было исконнымъ занятіемъ Русскихъ!

Едва-ли больше сочувствія въ читателѣ могутъ возбудить и вопросы подъ *Воропъ*: «не относится ли также сюда вр. (» = великорусское«) «нахрапомъ взять» — силою..., предполагая примѣненіе къ «храпѣть»?» (ср. взять на шарапъ) и подъ *Гонести*: «не сюда ли вр. *гоношйтъ?*».

Въ объясненіе *г* вмѣсто ожидаемаго *з* въ словѣ *Гусь* г. Зеленинъ замѣчаетъ: «можно также думать о примѣненіи къ звукоподражательному го — га (крикъ гусей, см. наши «Этимологическія замѣтки» въ Ф. З. 1903)».

Въ словѣ *Кор́оль* онъ готовъ объяснить полногласіе изъ венгерскаго (király, котораго онъ впрочемъ не приводитъ).

За этимологіей слова *Муръ* = лат. murus съ производными слѣдуетъ замѣчаніе: «срв. вр. обл. *моровать (мор́ую)* — тихо дѣлать что..., вр. *мура́вленый*» (сближенія только по звукамъ безо всякаго вниманія къ значенію, какъ и во многихъ другихъ этимологіяхъ автора).

Связь слова *Ови́нъ* съ бѣлор. *евня, ёвня, ёвна* кажется ему не совсѣмъ ясной, а допускать родство съ лит. jauja, по его мнѣнію, «не позволяютъ звуки», и потому онъ производитъ *овинъ* отъ сканд. ofn печь, противъ чего звуки возстаютъ уже гораздо рѣшительнѣе.

Въ словѣ *Овощъ* авторъ склоненъ объяснять *в* вмѣсто ожидаемаго *б* «примѣненіемъ» къ слову *воскъ*, опять-таки безъ вниманія къ значенію и безъ необходимости, такъ какъ это слово основывается не на др.-в.-н. obaz, а на формѣ, болѣе близкой къ современному Obst, которая могла звучать *oβast съ общегерманскимъ β, т. е. чисто-губнымъ *v* изъ *b* между гласными.

Подъ словомъ *Русальи* онъ производитъ малор. *ма́вка*, синонимъ нашего *руса́лка* — которое онъ сближаетъ со словомъ «*ру́сло*» — отъ глагола *мыть*, какъ *плыть* — *плавить*, *ныть* — *навить*, *слыть* — *славить*, упуститъ изъ виду, что всѣ глаголы

первообразные, допускающіе при себѣ винословную форму съ *-ав-*, какъ еще *быть* — *бавить*, имѣютъ непереходное значеніе.

При *Скалвы* «вѣсы» производимомъ отъ древне-нѣм. schala (ново-нѣм. Schale), указано на церк.-слав. *сколька*, *скалька* раковина, древне-русск. *скала* кора (? у Дювернуа), откуда выводъ: «Не исключена возможность, что заимствовано только значеніе», хотя относящіяся сюда германскія слова означаютъ чашку вообще, а не только вѣсовъ, не говоря уже о формѣ *скалвы* (ср. *буква*, *смоква* и діалектическія *церква*, *морква* и т. п.).

Къ этимологіи слова *Скарбъ* прибавлено: «Срв. вр. областное (м. пр., нашъ отчетъ)[1] *шара́бара*, *хара́бара* мелочь, мелкія вещи; можно думать о томже («sic») *скарбъ* (?) и о примѣненіи къ *ша́рить*, *шарабо́шить*» (слова въ родѣ *та́ры-ба́ры*, *шу́ры-му́ры*, *та́ни-ба́ни*, *калѐчина-малѐчина*, получившія, какъ два первыхъ изъ этихъ примѣровъ, болѣе или менѣе опредѣленный смыслъ; ср. *харабо́рки* тряпье, обноски и т. п.).

Въ «Добавленіяхъ» слово *Брады* (род. *брадъве*), серб. *бра̏два* (а не «бра̀два») г. Зеленинъ склоненъ считать славянскимъ словомъ, а не заимствованнымъ съ германскаго (др.-в.-нѣм. barta, ср.-в.-нѣм. bartê, др.-сканд. barda), не смотря на подозрительное образованіе (ср. выше при *Скалвы*) и на позднѣйшія *бердышъ* и *протазанъ* (фр. pertuisane; ср. также чув. *порда́* топоръ, вот. *пурт* ножъ, можетъ быть, черезъ литовское посредство).

Вопити онъ считаетъ не заимствованнымъ съ гот. vōpjan, а звукоподражаніемъ, можетъ быть, вслѣдствіе предположенія, совершенно правильнаго, что vōpjan дала-бы у Славянъ **упити*, откуда впрочемъ слабая форма была-бы *въпити*.

Го́монъ и *угомо́нъ* (чуть-ли не вѣрнѣе *угамонъ*) признаны также звукоподражательными словами, что̀ относительно перваго можетъ быть и вѣрно, но второе относится къ малор. *гамова́ти*, пол. hamować унимать.

---

1) О поѣздкѣ въ Вятскую губернію.

Илемъ есть, по мнѣнію автора, не др.-в.-нѣм. ëlm (-boum), а «законный родичъ» лат. ulmus, при чемъ не объяснено звуковое отношеніе и не принято въ расчетъ, что ëlm изъ *ilm.

Подъ словомъ *Картóфель* г. Зеленинъ, кажется, самостоятельно произвелъ отъ ит. tartufalo русское *трюфель*, что̀ отъ нѣм. Trüffel.

Кмѣтъ, *къмѣтъ* (sic!) объяснено не изъ лат. comes, а слѣдующимъ образомъ: «Вѣрнѣе видѣть слав. корень *мѣт* — *мет* (откуда *замѣча́тельный*, *замѣтный*, и префиксъ *къ*—(срв. къвредиꙗ у Срезн. I). См. наши «Этимологическія Замѣтки. I въ Ф. З. 1902» (при чемъ нѣтъ ни сербской, ни словѣнской, ни чешской формъ). Пбчему *Любистокъ* «врядъ ли» изъ пол. lubistek, неясно. *Мыто* авторъ отдѣляетъ отъ гот. môta, др.-в.-нѣм. mûta, потому что ô дало-бы по славянски *у*, что̀ справедливо, но изъ û вышло-бы *ы*, какъ въ *тынъ* изъ герм. *tūn- (галл. dūno-m). При словѣ *Попъ* допущена возможность происхожденія отъ παπᾶς въ виду *попадья* — παπαδιά, но «развѣ только при книжномъ заимствованіи», потому что иначе ударяемое *а* не пропало-бы, а за тѣмъ слѣдуетъ излюбленная авторомъ формула оговорки, вводящая, къ сожалѣнію, по большей части нѣчто мало вѣроятное: «Не исключена возможность» другой греческой формы — совершенно излишнее предположеніе, такъ какъ отъ παπᾶς род. падежъ звучитъ παπᾶ, вин. — παπᾶν, что̀ по-русски *попа́*. *Рю́митъ* будто-бы «Взято (?) изъ греч. ῥεύμα» (т. е. ῥεῦμα, что̀ впрочемъ значитъ «теченіе»), а потомъ подверглось вліянію исл. rymja ревѣть, кричать, гдѣ вопросительный знакъ послѣ «Взято» можно понять въ смыслѣ намека на возможность исконнаго родства. О словѣ *Труба* сказано, что его «выводятъ обычно. . . изъ дрв. trumba, срвн. trumel, trumbel, нѣм. Trommel», откуда ит. tromba, фр. trompe, однако «Не исключена возможность и обратнаго заимствованія — отъ славянъ къ нѣмцамъ», что̀ тѣмъ менѣе вѣроятно, что герм. trumba произошло, по видимому, изъ лат. tuba подъ вліяніемъ такихъ германскихъ словъ, какъ др.-сканд. þruma шумѣть, þrymr трескъ, грохотъ, откуда и ср.-в.-нѣм.

trumel, швед. trumma, англ. drum барабанъ и далѣе — фр. trompette съ н.-в.-нѣм. Trompete, шв. trumpeta, слов. trobenta изъ *трѫб-е(н)та.

При *Химостить* «ворожить, врать» приведены малор. *химорда* колдовство, *химородникъ* колдунъ, которыя Потебня производилъ отъ нѣм. ge-heim, но самъ г. Зеленинъ спрашиваетъ: «Нельзя ли начально («sic!») *хи-* сравнить съ *ки-ки*, *ши-ши* въ *кикимора*?» (не замѣшаны-ли здѣсь *хи́мія* и *химе́ра*?). Число такихъ примѣровъ нетрудно было-бы увеличить, но ограничимся приведенными, достаточными для характеристики личныхъ предположеній автора, упомянувъ еще только о необыкновенной его склонности къ объясненію словъ не изъ западныхъ языковъ, откуда ихъ объясняютъ другіе, а изъ восточныхъ, которые чужды ему въ такой мѣрѣ, что онъ сплошь да рядомъ просто говоритъ: «восточное слово» или выражаетъ подозрѣніе, не съ Востока-ли оно; см. напр. не только *Скарлатъ*, которое выводили оттуда и другіе (изъ тур. iskerlet, передѣланнаго изъ ит. scarlatto или изъ н. греч. σκαρλάτον), но и *Корзно*, *Котъ*, *Мыть* (сущ.), *Опица*, *Перецъ* (отъ *персъ*!), *Соро́чка* (отъ «сарацинъ!»), изъ которыхъ *Котъ* и *Перецъ* въ самомъ дѣлѣ пришли въ Европу съ Востока, только не къ намъ. Вообще изъ, такъ сказать, слѣпыхъ ссылокъ автора на таинственный Востокъ ему удалась, чуть-ли не одна, да и то неожиданнымъ для него образомъ: *Карма́нъ* есть въ самомъ дѣлѣ не лат. crumena, а — мадярское karmány рукавъ (отъ kar рука кромѣ кисти; ср. рукава японскаго халата, киримоно, служащіе и карманами). Причина этого своеобразнаго Drang nach Osten со стороны автора заключается, можетъ быть, отчасти въ нѣкоторомъ славянофильствѣ, предпочитающемъ теперь невинный передъ Славянами и — главное — невѣдомый Востокъ тѣснящему ихъ Западу, отчасти въ недоразумѣніи относительно истиннаго смысла сравненій славянскихъ словъ съ западными: вѣрно, что извѣстныя намъ старыя германскія или романскія формы не всегда вполнѣ соотвѣтствуютъ своимъ славянскимъ отраженіямъ, но вѣдь наше знаніе западныхъ язы-

ковъ ранняго средневѣковья болѣе или менѣе случайно и отрывочно, вслѣдствіе чего мы не всегда можемъ отъискать въ памятникахъ какъ разъ тѣ формы, которыя были усвоены древними Славянами. Такой случай представляется намъ, кромѣ упомянутаго *Овощь*, при словѣ *Спудъ*, сравненіе котораго съ дат. Spand и нижне-нѣм. span г. Зеленинъ отвергаетъ, не находя вѣроятнымъ сравнительно широкое распространеніе его между Славянами изъ такого источника. Но если др. норв. spann ср. р. «мѣра и вѣсъ масла и сыпучихъ тѣлъ» произошло изъ *spand (датское *nd* есть лишь орѳографическое выраженіе двойного *n*), а н.-нѣм. span восходитъ къ тому-же *spand, получается чуть-ли не общегерманское слово, близкое по звукамъ къ слав. спѫдъ и употребительное, быть можетъ, въ краяхъ, граничившихъ со славянскими. Какъ-бы то ни было, самая попытка оцѣнки чужихъ взглядовъ и стремленіе къ самостоятельному изслѣдованію показываетъ, что авторъ имѣлъ въ виду далеко не простой сводъ уже сдѣланнаго другими. Вообще къ своей задачѣ онъ отнесся очень серьёзно и добросовѣстно, и, вѣроятно, только недостатокъ времени виноватъ въ нѣкоторыхъ недосмотрахъ, какіе попадаются тамъ и сямъ въ его трудѣ. Подозрѣніе, что авторъ торопился, подтверждается довольно значительнымъ количествомъ неточныхъ или неясныхъ выраженій и мелкихъ ошибокъ или описокъ, особенно въ иноязычныхъ словахъ. Такъ напр. мало понятны замѣчанія при *Брага*, *Витязь*, *Князь* (безъ отличія отъ *кнѣсъ*), *Кумъ* (гдѣ «серб. kmotš», т. е., вѣроятно, лужицкое), *Усерѧзь* и др. Есть пропуски словъ, о которыхъ идетъ рѣчь, напр. шв. kong при *Князь*, нѣм. Rathmann при *Ратманъ*. Впрочемъ нельзя не признать, что иногда бываетъ трудно рѣшить, чѣмъ объясняется та или другая изъ такихъ погрѣшностей — поспѣшностью или иною причиной, менѣе извинительной. Дѣло въ томъ, что автора никакъ нельзя назвать языковѣдомъ. Такъ *Бровстъ*, *провстъ*, по его словамъ, восходитъ «къ лат.-романск. praepositus, лат. propositus», тогда какъ форма съ prae- есть древняя, а съ pro- — средневѣковая, *Ва́га* онъ переводитъ по-латыни «pondo» вм.

pondus, лат. galea подъ *Галея* — «щитъ» вм. шлемъ (если это не описка: «собственно: щитъ, въ какомъ значеніи родственно съ нѣм. Helm, а черезъ него и съ слав. *шлемъ*», что̀ трудно уразумѣть), при *Глазъ* значится греч. «βλέπτω» вм. βλέπω, при *Ирха* — лат. «coricum» вм. corium, при *Келяхъ* — ит. «kalége» и ср.-лат. «calese» (?), при *Мастеръ* — лат. mahister» вм. magister (дважды) и то-же при *Местеръ*, при *Осьлъ* — *Осёлокъ* — «*острый*, скр. akštrus», вѣроятно, вм. лит. aszrùs или asztrùs (скр. aštra-m остріе, жало), при *Оцьтъ* — «ἐσμιρνισμένον οἶνος» вм. ἐσμυρνισμένος οἶνος, при *Па́ва* — «τάως» вм. ταώς, при *Роменъ* — лат. «chramomilla» вм. chamomilla, при *Сентябрь* — греч. «σεπτέμβριον» вм. σεπτέμβριος, при *Ска̀́терть* — лат. (!) переводъ «mappa ubrus» (т. е. лат. mappa и слав. *убрусъ*), при *Скутъ* — нѣм. «Schotz» вм. Schosz, при *Стерхъ* — греч. «πολαργός и др. в.-н. «starah» вм. πελαργός и storah, при *Суда́рь* — лат. «sudum — потъ» вм. sudum жара (или sudor потъ), при *Вира* — лат. «vīr» вм. vir (= vĭr), при *Дроздъ* — «птица tardus» вм. turdus, при *Дружи́на* — лат. «carvatim» вм. catervatim (?), при *Мыто* — лат. «protorium» вм. portorium, при *Тысяча* — лат. «millium» вм. mille, при *Тюрьма* — лат. переводъ «cella penaria», что́ значитъ «житница, амбаръ» (отъ penus запасъ, а не отъ poena, какъ, вѣроятно, думалъ авторъ), при производствѣ слова *Тябло* отъ τέμπλον его «затрудняетъ media *б* на мѣстѣ ожидаемой tenuis *p*» (sic), которая однако послѣ *м* въ позднемъ греческомъ выговорѣ всегда переходитъ въ *б*, при *фальшь* — польск. «falsz» вм. fałsz (не описка, такъ какъ русское слово производится авторомъ отъ польскаго, а не отъ нѣмецкаго).

Можетъ быть, въ связи съ нетвердостью въ иностранныхъ языкахъ состоитъ и двоякое написаніе сербскихъ и малорусскихъ словъ, то кириллицей, то латинкой, иногда по фонетическому правописанію, иногда по этимологическому, — очевидно, въ зависимости отъ источниковъ. Такой пріемъ дѣлаетъ честь осторожности автора, но едва-ли можетъ быть признанъ научнымъ помимо выписокъ изъ памятниковъ; однако именно въ послѣднемъ случаѣ

г. Зеленинъ и не сообразуется съ преданіемъ, о чемъ заявляетъ самъ на стр. XXX: «Орѳографія древнерусскихъ словъ принята ближайшая къ современной».

Говорить-ли послѣ всѣхъ этихъ данныхъ о томъ, что г. Зеленинъ едва-ли прошелъ строгую лингвистическую школу? Вотъ нѣсколько примѣровъ его научнаго языка и мышленія. Подъ *Букъ* греч. φᾱγός, φηγός произведено прямо отъ φαγεῖν, не смотря на «праиндоевроп. *bhâgos». *Клевретъ* «Восходитъ къ лат. collibertus (отъ cum и libero)» вм. cum и libertus. При *Льсть* на ряду съ польск. leść, lściwy, чеш. lest, lstivý поставлено серб. *ла̏скати*. Подъ *Нута* читаемъ: «сканд. naut (pecus), англ.-сакс. neat, др.-в.-н. nôz (jumentum), что производятъ отъ гот. niutan (uti, нѣм. geniesen)» (такъ буквально; въ самомъ др.-сканд. есть не только naut ср. р. скотъ, но и naut или nautn ж. р. пользованіе и глаголъ njóta пользоваться). При *Олта́рь* — «лат. altāre (alta ara)» (какъ понять прибавку въ скобкахъ?). Въ словѣ *Осетръ* (котораго онъ называетъ по-латыни accipenser вм. acipenser) смущаетъ автора *о*, потому что въ другихъ славянскихъ языкахъ здѣсь *je-*, а не *е-*. При *Стягъ* — «др. швед. stang, др. сканд. stöng» и также при *Судъ* — «изъ скандинавск. sund, швед. sund» и при *Ябетникъ* — «др. сканд. emboetti, др. швед. oembiti (др.-сканд. вм. др.-норв. или исл.). *Тузъ* карточный произведено отъ польск. tus = нѣм. Daus, по *тузъ* ударъ, *тузи́ть* и польск. tusować (ср. дать *стусана́*) поставлено въ родство съ лат. tundo.

Въ собственномъ языкѣ автора желательно было-бы устранить *ирійскій* вмѣсто *ирскій* (напр. подъ *Лѣкъ* и *Тынъ*), *заикаться* въ смыслѣ «упоминать нерѣшительно» (подъ *Готовъ*: «Проф. Брандтъ заикается о корнѣ *тыти*»), *нужно* вмѣсто *надобно* или *слѣдуетъ* (подъ *Дратва*: «Русское слово нужно выводить изъ польск.» ср. подъ *Ершъ*, *Жупелъ*, *Ирха*, *Кобелъ*, *Коро́ль*, *Котыцъ* дважды, *Ку́бокъ* и др.).

И такъ г. Зеленину далеко еще до уровня самостоятельнаго изслѣдователя, что̀ впрочемъ и совершенно естественно при его молодости; но и этотъ трудъ, не смотря на всѣ его недостатки,

обнаруживаетъ въ его авторѣ какъ недюжинныя знанія и способности, такъ и умѣнье работать. Главное достоинство его словаря состоитъ въ полнотѣ матеріала: не только собраны чуть-ли не всѣ старыя слова, объясняемыя изъ западныхъ языковъ, но и разъисканы въ памятникахъ и толково сопоставлены мѣста, въ которыхъ они встрѣчаются, почему нѣкоторыя статьи представляютъ собою цѣлыя изслѣдованія (напр. *Русь* на 4 страницахъ). По устраненіи указанныхъ выше и нѣкоторыхъ другихъ погрѣшностей (для чего вся лингвистическая часть должна быть провѣрена до мелочей—до знаковъ долготы и удареній включительно) сочиненіе г. Зеленина получитъ значеніе полезной справочной книги и надежной канвы для будущихъ изслѣдователей. Потому я полагалъ-бы справедливымъ, подъ условіемъ надлежащаго исправленія разобраннаго здѣсь труда, присудить автору полную премію имени М. И. Михельсона.

Ѳ. Коршъ.